

Предисловие издателей

Перед вами — книга воспоминаний известного астронавта Тита Лукича Невезухина, сгинувшего в прошлом году в созвездии Змееносца в одной из чёрных дыр (NGS1345), от которого он по обострившейся на старости лет kleptomании попытался отковырять кусочек на память. До чёрной дыры, судя по всему, астронавт добрался благополучно, затем связь оборвалась, и дальнейшая судьба Невезухина неизвестна.

На момент исчезновения Титу Лукичу Невезухину было семьдесят семь лет. Он оставил после себя рыдающую безутешную вдову и двенадцать детей, взявших на себя нелёгкий труд подготовить его воспоминания к печати.

Именно они обратили наше внимание на тот факт, что год гибели легендарного астронавта — две тысячи четыреста тридцать второй — совпадает с годом смерти, который их отец предсказал сам себе в одной из частей своих воспоминаний. Мы не смеем утверждать, было ли это прозорливым предвидением или случайностью, но считаем своим долгом указать читателям на это примечательное совпадение.

Тит Лукич Невезухин относится к тому ныне почти исчезнувшему типу звездoproходцев-бродяг, которые

Предисловие

в своих путешествиях по Вселенной не имеют целью скорое обогащение или преумножение научного познания, и без того объёввшее все мыслимые и даже немыслимые области, а действуют по наитию, не придерживаясь заранее составленных планов. Их неписанный девиз: странствие — ради странствия, Вселенная — ради Вселенной! Космос для них — это средство обрести гармонию в собственной душе, что необходимо им точно так же, как и воздух. Они — истинные донкихоты нашего времени, хранители и единственные носители романтического потенциала человечества — в этом их крест и их награда...

Как уважаемые читатели вскоре поймут, Невезухин прославился более своими невероятными приключениями и врождённой способностью «влипать в историю», нежели литературным дарованием. Однако из уважения к памяти астронавта мы оставили стилистику воспоминаний без изменений, с тем чтобы дать ценителям возможность познакомиться с его оригинальной, яркой манерой письма и мышления, которая противоречит всему тому, что поднято на щит современной литературой. Автора невозможно уличить во вторичности или преемственности, свойственной неопытным литераторам.

Надеемся, что любителям мемуаристики, знакомым с работой нашего издательства — а их на тридцати тысячах освоенных человечеством миров должно найтись немало, — воспоминания легендарного астронавта покажутся интересными.

*Редакционный совет
Издательства «Астрос» Бетельгейзе*

ВОСПОМИНАНИЕ ПЕРВОЕ

Взглянув на обложку этой книги в том месте, где пишется имя автора, вы прочтёте «Т. Л. Невезухин» — что означает «Тит Лукич Невезухин». Неизвестно, кто первый у нас в роду получил эту фамилию, но она полностью отражает наше общее свойство: хроническое неизлечимое невезение, закрепившееся, должно быть, в одном из генов как постоянный признак. Но если остальные мои предки были просто неудачниками, то я, аккумулировав в себе все их худшие качества, родился неудачником в квадрате. Не стану перечислять все конкретные проявления моего хронического невезения — одно упоминание их составило бы книгу примерно такого же объёма, как эта. Скажу только, что в молодые годы я был уверен, что если на стадион, где собрались десять тысяч человек, залетит одна-единственная оса, то с вероятностью сто к одному ужален буду именно я.

Один пример я всё же, не удержавшись, приведу. Когда я был ещё совсем маленьким, космические цыгане подсыпали нашему домашнему роботу алмазной пыли в суставы, дождалась, пока он, скрежеща, утащится на техобслуживание, и выкрали меня из кровати, подложив на моё место куклу-биоробота, которая выполняла всё то, что ожидают родители от стандартного младенца. Меня же цыгане погрузили в свою дышащую на ладан ракету вместе с десят-

ком других таких же бедолаг, приготовленных для продажи в Диких мирах, и стартовали с Земли.

Но моё невезение сыграло и с цыганами злую шутку: случайным метеоритом на их ракете разбило навигационный блок, и, всё на свете перепутав, они вместо поджидавшей их базы работорговцев состыковались с военным крейсером. Впрочем, мне и тут не повезло: других детей сразу отправили родственникам, меня же сочли маленьким африканцем и отдали в детский приют в Мозамбике, где я пробыл несколько месяцев, пока не отмылся чёрный пигмент, в который меня покрасили на цыганской ракете. Наконец после всех мытарств меня вернули родителям, которые не только не хватились пропажи, но и налюбоваться не могли на свою синтетическую куклу, засыпавшую сразу после кормления и не доставлявшую никаких хлопот...

А в юности! Если бы вы знали, друзья мои, как мне не везло в любви! С тех пор я убеждён: нет во Вселенной другого биологического организма более капризного и нелогичного, чем хорошенькие девушки! Основываясь на своём отрицательном опыте, я бы отнёс девушек к так называемой группе *sapiens antinomius* — существ, ошибочно признанных разумными. Они бросали меня из-за пустяков: стоило мне отравиться при них в китайском ресторане, неловко опрокинуть на платье кетчуп или прихлопнуть им мизинец дверцей флаерса — тотчас моих спутниц как ветром сдувало, и лишь на горизонте мелькали их ускользающие спины... Один-единственный раз, на двадцать третьем году жизни, мне почти удалось поцеловать девушку, с которой я встречался два месяца, но в этот момент я вдруг ощутил ужасную боль, подобную той, как если бы в рот мне попала раскалённая гайка. Это была пчела, ужалившая меня в язык!

Данный случай стал последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Я вернулся домой, взял бластер

и хотел застрелиться, но энергообойма оказалась почти разряженной, и я лишь сильно обжѐг себе ухо и щѐку. Лѐжа в больнице с забинтованной головой и дожидаясь, пока на ухе приживѐтся искусственная кожа, я хандрил и подумывал уже, не заморозиться ли мне лет на двести, чтобы вместе с собой заморозить и свой невезучий ген, но тут случилось событие, определившее всю мою дальнейшую судьбу.

Я лежал в двухместной палате, но соседняя со мной кровать пустовала, и я порой жалел, что мне не с кем поговорить, как вдруг однажды утром у меня появился сосед. Это был старый космический волк, с лысой головой и дублѐной кожей, попавший в больницу с тяжѐлыми радиационными ожогами. Первые дни он чувствовал себя неважно и молча смотрел в покрашенную стенку, чертя на ней что-то ногтем, но потом кризис миновал, и он разговорился.

Он рассказывал о суровых звѐздных ветрах, о золотом сверкании созвездий Млечного Пути, об ослепительных вспышках при рождении сверхновых звѐзд, о пыльных хвостах комет, об отражательных туманностях, эллиптических галактиках и нейтронных вихрях, о безумно полыхающем закате на планете Трѐх Солнц, о сокровищах заброшенных баз; о невероятной способности жертвовать собой ради других, когда весь экипаж из благородства отказывается от последнего баллона с кислородом — и потом их так и находят: несколько задохнувшихся мертвецов, а посредине — нераспечатанный баллон; о тесной космической пивной, затерявшейся где-то в созвездии Орла, в которой собираются космические волки и пьют самогон, наливаемый им ворчливым, почти двухсотлетним роботом со скрипящими коленями и таким же характером; о преданной любви прекрасных девушек с планеты Новая Амазония, на которой уже триста лет не рождался ни один мужчина; о петлях времени, когда завтра наступает раньше, чем вчера; о тысячах парсеков,

которые каким-то чудом преодолевают старые колымаги-звездолёты — неразлучные спутники астронавтов-бродяг, знающих их до последнего болта; и о многом-многом другом, что ныне уже стёрлось из моей памяти...

Вдобавок космический волк был полон абсолютного презрения к земным крысам — презрения, не замечаемого им самим, но въевшегося в него до мозга костей. Презрение это было таким заразительным, что уже очень скоро я и сам стал презирать земных крыс, к которым, кстати, и сам тогда относился.

Многое, о чём рассказывал этот покрытый радиоактивными ожогами человек, я уже забыл, но, клянусь, это была самая прекрасная ода космосу, которую мне когда-либо доводилось слышать! Каждое слово космического волка я впитывал словно губка, и мне казалось, что я уже глотаю межзвёздную пыль или преодолеваю притяжение сливающихся галактик.

Ночами, когда утомлённый космический волк засыпал, приняв снотворное и ещё нечто, спрятанное от медсестры под матрасом, я мечтал о вселенских далях, а потом в мои сны, раскрыв объятия, входили пылкие девушки с Новой Амазонии, единственную одежду которых составлял кожаный ремень, на котором висела кобура с бластером.

Я и сам точно не помню, когда именно под влиянием этих рассказов у меня оформилось настойчивое желание выйти в космос и пуститься в межзвёздные скитания. Уж туда-то, в глубины Вселенной, думал я, невезение точно за мной не увяжется...

Едва повязку с моего уха сняли, я немедленно начал действовать. Записываться младшим астронавтом в военный флот и целыми днями шлёпать с прапорщиком в карты на лафете лазерной пушки, или в должности техника-электрика обходить с тестером коридоры медлительного космотанкера из тех, что курсируют по ближним созвездиям,

или даже в синей форме стюарда приставать к пассажиркам туристических рейсов, заводя с ними мимолётные романы, — нет, такая жизнь была не для меня, и я отверг её со всем максимализмом юности. Куда больше привлекала судьба звёздного волка-одиночки, который на скоростном звездолёте рассекает глубины дальнего космоса, отдаляясь от Земли на многие десятки и сотни парсеков. Правда, по статистике, звёздные волки куда чаще остальных ломают себе шеи, зато лишь им одним ведома суровая прелесть неосвоенной Вселенной.

Как это было принято у нас, у Невезухиных, я немедленно созвал семейный совет и сообщил родне о своём решении отправиться в космос. Я не заблуждался насчёт особого восторга моих родственников, но рассчитывал хотя бы на известное понимание, однако родные и близкие посчитали меня сумасшедшим. Кое-кто из слабонервного женского пола даже сымитировал обморок, и пришлось пускать в ход нашатырь.

— Нет, вы только подумайте! Да он и на Земле не может пяти шагов ступить, чтобы ничего себе не сломать! Да он разобьётся ещё при взлёте, размажется по первой же звезде! — восклицали мои тётки и моя впечатлительная матушка. Помалкивали только троюродные племянники-балбесы: они рассчитывали, что им достанется моя коллекция пивных банок.

Впрочем, особенно долго меня не отговаривали: в семье я давно имел устоявшуюся репутацию упрямого осла. В конце концов близкие, смирившись, махнули на меня рукой, а одна милая старушенция, приходившаяся нам седьмой водой на киселе, уверенная, что мой отход в мир иной не заставит себя ждать, сразу заказала панихиду об упокоении новопреставленного Тита.

Я же, не собираясь больше возвращаться на Землю, продал всё, что имел, и, испытав наплыв великодушия, свойственного тем, кому уже терять нечего, подарил свою

коллекцию пивных банок (её никто не захотел покупать) троюродным племянникам.

Затем я взял толстый рекламный каталог звездолётов и стал изучать его со всей ответственностью и тщательностью — ведь, выбирая ракету, я выбирал себе единственного верного спутника на много десятилетий, от которого напрямую зависела моя жизнь. Каталог был самым подробным: в нём упоминались и гигантские торговые звездолёты классов F, G, H, и космотанкеры, и базы, и научные модули. Меня же интересовали маленькие скоростные корабли, подходящие для одиночного звёздного плавания. Поэтому я бегло пролистывал каталог, пока не остановился на нужной странице:

«Вояджер «Комфорт» — ракета для жизни. Два абсолютно безопасных атомных двигателя. Искусственный мозг-навигатор с памятью в 17 млрд миров. Все системы жизнеобеспечения. Земной комфорт. Бассейн. Оранжерея. Спортзал. Общая площадь без складских отсеков — 300 кв. метров. Класс безопасности — А. Цена — 13 000 000 косморублей.

Рейдер «Молния». Одноместный скоростной корабль для дальнего космоса. Ультрасовременный дизайн. Один турбулентный высоконадёжный двигатель набирает околосветовую скорость всего за 23,4 часа. Мозг-навигатор. Есть всё необходимое оборудование для дальних космических гонок и скоростных перелётов. Общая площадь — 40 кв. метров. Класс безопасности — В. Цена — 5 000 000 косморублей.

Рейдер «Романтическое путешествие». Отлично подходит для тех, кто желает провести свой медовый месяц в космосе. Модель, особо отмеченная королю Иордании Гусейном ХХХI! Бесшумный протоновый двигатель. Искусственный мозг. Три уютные каюты.

Большая спальня. Детская комната. Сауна с маленьким бассейном. Неназойливый робот-повар, способный приготовить из элементарных жиро-углеводно-белковых соединений более 50 тысяч деликатесных блюд. Общая площадь — 250 кв. метров. Класс безопасности — А. Цена — 6 000 000 косморублей.

Вояджер «Ковчег». *Разработан специально для космонавтов-первопроходцев (существует возможность иной перекомпоновки салона для мормонов, ортодоксов, буддистов и проч.). Рассчитан на 6–8 человек. Два безопасных атомных двигателя. Околосветовая скорость за 100 часов. Мастерская с безупречным набором инструментов. Клон-резервуар модели «Ной» с клетками всех основных видов животных и растений. 10 роботов различного хозяйственного назначения. Оранжерея. Детские комнаты. За дополнительную плату предлагаются наборы саморазворачивающихся молекулярных домов. Жилая площадь — 130 кв. метров. Общая площадь — 330 кв. метров. Класс безопасности — В. Цена — 17 000 000 косморублей».*

Чем сильнее рябили у меня в глазах эти нули, тем ниже сползал барометр моего настроения. Увы, мне стало ясно, что все эти роскошные вояджеры и рейдеры — плоды современного инженерного гения — недоступны для меня так же, как недоступен локоть моим зубам. Я располагал всего лишь скромной суммой в 350 000 косморублей, полученной от продажи всего моего имущества. Больше денег взять было абсолютно неоткуда, на крупный заём рассчитывать тоже не приходилось, а чтобы заработать недостающую сумму, пришлось бы потратить несколько десятилетий, и я смог бы выйти в космос лишь ветхим старцем.

Под конец, когда я уже всерьёз подумывал, не ограбить ли небольшой банк, вломившись в него с бластером

и в маске, в самом низу страницы мой страждущий взор зацепил небольшое объявление:

*Космомагазин робота Али.
Продажа и ремонт старых кораблей
различных видов по самым умеренным ценам.
Адрес: Юпитер, Долина Скелетов,
владение 13.*

Пятью минутами спустя я мчался в космопорт, откуда первой же пассажирской ракетой вылетел на Юпитер. Вечером того же дня я стоял под искусственным куполом юпитерианского космодрома и уныло изучал карту. Долина Скелетов оказалась такой дырой, что прямого сообщения с ней не было, а пересадочный интервал на промежуточных станциях составлял почти сутки: таким образом хитрое юпитерианское правительство повышало доходность своих гостиниц. Делать нечего, пришлось облачиться в скафандр и голосовать грузовым флаерсам, за штурвалами которых сидели болтливые юпитерианские роботы, охотно берущие пассажиров за пол-литра смазки.

Путешествуя автостопом, за двенадцать часов я добрался-таки до Долины Скелетов. Это оказалась самая большая свалка космических кораблей, которую мне когда-либо приходилось видеть. Огромная долина была буквально завалена остовами старых ракет, флаерсов и звездолётов самых разных конструкций и веков выпуска, по которым вполне можно изучать историю космонавигации. В правой части долины, километра за четыре от того места, где меня высадили, виднелся большой, кое-как склёпанный ангар. Никаких других сооружений рядом не было, я предположил, что это и есть космомагазин Али. Отыскав между остовами ракет тропинку, я добрался до ангара и увидел на его пороге большого, добродушно поскрипывающего робота с пятнами ржавчины на корпусе.

Этот обломок древности сидел и глубокомысленно ковырял отвёрткой в коленном суставе своей правой ноги, которую, видимо, открутил незадолго до моего появления.

— Вы Али? — спросил я у него.

— Он самый! — встрепнулся робот. — А вы покупатель? Ах, молодой человек, как я рад вашему появлению! Последнее время люди совершенно перестали приобретать звездолёты. В жизни становится всё меньше романтики. Где, скажите мне, безумная увлечённость первых лет звездоплавания, где отважные пассионарии, рвущиеся навстречу галактикам, как это было в годы моей юности? Нынешний молодой человек посмотрит на небо лишь в том случае, если ему сказать, что на его голову сейчас упадёт метеорит. Если он что-то и покупает, так только флаерсы. Кстати, может быть, я ошибаюсь и вам тоже нужен флаерс? У меня есть несколько штук в очень приличном состоянии.

— Нет, спасибо. Я ищу небольшой исправный корабль для дальнего космоса.

— Прекрасно, юноша, прекрасно! Я угадал с первого взгляда — опыт, знаете ли, не пропьёшь. Позвольте потрясти вашу мужественную руку! Пройдёмте в ангар, там есть всё, о чём можно только мечтать.

Робот Али попытался встать, чтобы сопровождать меня, и едва не упал. С трудом удалось удержать эту двухцентнеровую громаду.

— Нога! — напомнил я.

— Ах да, я же её отвинтил! — спохватился он. — Вот проклятая рассеянность! Здесь, знаете ли, в грунте слишком много песка. Третий подшипник за год.

Робот ловко привинтил ногу на место и, чуть прихрамывая, повёл меня внутрь ангара, где на блоках было подвешено два десятка кораблей.

— Вот, рекомендую — отличная модель: «Протон-25G». Совершил три путешествия к Лебедю, участво-